

VŠECKY KRÁSY SVĚTA

Večer, když černé oblohy ulic zaplály světly,
 jak byly krásné baletky na plakátech mezi černými písmeny,
 nízko a nizoučko šedivé aeroplány jako holubi slétli
 a básník zůstal sám uprostřed květin zmámený.
 Básníku, umři s hvězdami, uvadni s květinou,
 nezasteskne se už nikomu dnes po tobě,
 vé umění, tvá sláva navždycky zahynou,
 neboť jsou podobny květinám na hrobě;
 vždyť létadla, která se prudce až k hvězdám řítí,
 za tebe zpívají píseň železných tónů
 a krásná jsou, jako je krásnější to pestré elektrické kvítí
 na domech ulice, než kvítí na záhonu.

Pro svoje básně jsme našli krásy úplně nové,
 měsíci, ostrove marných snů, jenž dohoříváš, shasni.
 Zmlkňte housle a zněte, trubky automobilové,
 ať člověk uprostřed křižovatky se najednou zasní;
 zpívejte aeroplány, večerní píseň jako slavíci,
 tančete baletky na plakátech mezi černými písmeny,
 ať slunce shaslo, – s věží reflektory zářící
 do ulice vrhnou nový den plamenný.

Padající hvězdy se zachytily v železných konstrukcích rozhleden,
 před plátnem kina sníme dnes svůj nejkrásnější sen,
 inženýr staví mosty v širé ruské pláni
 a vlaky mohou jezdit vysoko nad vodami
 a na střechách mrakodrapů když světla vzplála jasně,
 procházíme se, aniž bychom si vzpomněli recitovati básně
 a jako růženec se při modlitbě mezi kostnaté prsty vplétá,
 zdviž mezi patry stokrát stoupá za den,
 a shora se dívaje, před sebou zříš všecky krásy světa.

ЦЯЛАТА КРАСОТА НА ТОЗИ СВЯТ

Вечер черните сводове улични от светлини бяха залети,
бяха красиви балерините сред черните букви върху плаката,
ниско, тъй ниско се спускаха като гълъби сивите самолети
и поетът оставаше сам, примамен от уханието на цветята.
Светли поете, умри със звездите, увехни със цветята, поете,
никой не ще затъгува по тебе – ни другар, ни момиче,
твойто изкуство и твоята слава ще загинат във вековете,
че на надгробни цветя, на надгробни цветя ни приличат;
нали самолетите, дето летят към звездите в небето,
пеят за теб песента на железните тонове еховито
и красиви са – по-красиви са електрическите цветчета
по домовете на улицата от цветчетата из лехите.

Ние открихме в поезията красоти съвсем нови и силни,
угасни, луна, угасни, острове на празни копнежи по рая!
Замлъкнете, цигулки, засвирете, клаксони автомобилни,
нека и на самі кръстовката човек да може да помечтае;
пейте, аероплани, като славеите песен вечерна запейте,
балерини, танцувайте по плакатите между буквите черни,
нека слънцето да угасне – вие, пламтящи рефлектори, влейте
от своите кули в улиците новия пламенен ден – нека грейне.

Падащите звезди се задържат по железни конструкции и по кули навън,
пред екраните на кината ние сънуваме своя най-хубав сън,
инженерът строи мостове из полетата руски по руски широки,
могат всички влакове да прелитат над водите високо,
а по небостъргачи, над които светлини мрака раздират,
се разхождаме ние, без през ум да ни мине стихове да рецитираме,
като пламък на свещ между костеливите пръсти молитвено се извива
асансьорът – между етажите сто пъти се качва на ден,
а отгоре погледнеш ли, цялата красота на света пред теб се разкрива.

A to, co ještě včera posvátné umění bylo,
 ve věci prosté a skutečné se najednou proměnilo,
 a nejkrásnější obrazy dneška nebyly nikým malovány,
 ulice je flétna a hraje svou píseň od rána do večera
 a nad město vysoko vzletěly k hvězdám aeroplány.

Nuž, tedy s bohem, nechte nás odejít vymyšlené krásy,
 fregata rozjíždí se v dálku do moře širého,
 rozpust'te, musy, ze zármutku své dlouhé vlasy,
 umění je mrtvo, svět žije bez něho.

Vždyť větší pravdu má i tento motýl malý,
 jenž z kukly, která knihu básní hlodala, se k slunci zvedá,
 než básníkovy verše, jež jsou v knize psány.

A to je fakt, který se popřít nedá.

Samá láska, 1923

PÍSEŇ O DÍVKÁCH

Uprostřed města dlouhá řeka teče,
 sedm mostů ji spíná,
 po nábřeží chodí tisíc krásných dívek
 a každá je jiná.

Od srdce k srdci jdeš zahřát si ruce
 v paprscích lásky veliké a hřejné,
 po nábřeží chodí tisíc krásných dívek
 a všechny jsou stejné.

Samá láska, 1923

Всичко, което до вчера беше изкуство, празнично извисено,
в прости неща от живота ни днес изведнъж се променя,
никой не е рисувал на днешния ден най-хубавите картини,
улицата е флейта – свири от сутрин до вечер своята песен,
а високо над този град към звездите летят самолетите сини.

Сбогом тогава, оставете ни, измислени красоти, оставете
фрегатата да набира скорост в морето широко, в далечината,
музи, своите дълги коси от тъга разпуснете,
мъртво е всяко изкуство, и без него живее земята.

Нали по-правдива е и пеперудата малка, която се дига
от какавида – прогризана книга със стихове ничии,
отколкото стиховете на поета, написани в книга.

Факт е това, който не може да се отрича.

Самата любов, 1923
Превод: **Вътьо Раковски**

ПЕСЕН ЗА ДЕВОЙКИТЕ

Посред града тече река дълбока,
скована в седем моста поетични,
там вечер ходят хиляди девойки
и всички са различни.

На огъня на техните сърца се грееш,
една любов сърцето ти изплаква,
там вечер ходят хиляди девойки
и всички са еднакви.

Самата любов, 1923
Превод: **Вътьо Раковски**

CAŁE PIĘKNO ŚWIATA

Kiedy ulic nieboskion rozjarzy się światłami,
piękne są baletnice wśród czarnych liter plakatów,
piękne są baletnice wśród czarnych liter plakatów,
jak gołębie kołują siwe aeroplany,
gdy samotny poeta odurzy się wonią kwiatów.
Ty, poeto, z gwiazdami i kwiatami zginiesz
i nikt już nie zasmuci się na myśl o tobie,
twoja sztuka i twoja sława na zawsze przeminie,
wszystko to jest podobne do wieńców na grobie;
aeroplany w swoich zrywach niebotycznych
za ciebie metaliczne pieśni wnoszą co dzień
piękniejsze – jak piękniejsze kwiaty elektryczne
w oknach domów niż kwiaty rosnące w ogrodzie.

Dla swych wierszy dziś mamy piękno całkiem nowe,
księżycu, snów daremnych wyspo, wreszcie zgaśnij,
Milczcie skrzypce, niech trąbki brzmią samochodowe,
na skrzyżowaniach człowiek marzyć zacznie jaśniej;
wieczorem acroplan niech śpiewa jak słowik,
wśród liter na plakatach tańczcie, baletnice,
słońce zgasło? – cóż z tego! Z wieżyc reflektory
rzucą płomień nowego dnia w stare ulice.

Dziś spadające gwiazdy w żelaznych konstrukcjach utkwily,
przed ekranami w kinach sny najpiękniejsze śnimy,
wśród rosyjskich przestrzeni inżynier mosty stawia,
by mogły się pociągi poprzez rzeki przeprawiać,
po oświetlonych dachach drapaczy chmur chodzimy,
nie w głowie nam są nawet i własnych wierszy rymy;
jak różaniec, gdy między kościste palce się wplata,
winda się między piętra sto razy dziennie wznosi,
i patrząc z góry przed sobą masz całe piękno świata.

ВСЕ КРАСОТЫ МИРА

Когда зажглись огни на черном небе улиц,
в глаза ударил блеск афишных балерин,
аэропланы крыш, как голуби, коснулись,
и только ты, поэт, среди цветов – один.
Поэт, умри с цветком, сгинь, звездная держава
сегодня ни одной душе не нужен ты,
в чем смысл твоих стихов, что значит твоя слава?
Да ничего, пустяк – надгробные цветы;
аэропланы ввысь взмывают все быстрее,
поэт, вместо тебя – песнь голубых тонов,
цветочных пестрых клумб во много раз пестрее
цветет электроцвет вечерних городов.

У красоты стиха есть новые резоны;
стиль, месяц, островок пустых надежд и нег!
Пусть скрипки замолчат, когда звучат клаксоны,
пусть в уличной толпе мечтает человек.
Моторы, пойте страсть, как соловьи шальные,
среди афишных букв танцуй, кордебалет,
пусть солнце догорит – прожектора ночные
подарят новый свет.

На вышках смотровых пыль звездного тумана,
прекрасные мечты глядят с киноэкрана,
и строятся мосты в извилах русской дали,
и ездят поезда высоко над водами;
когда зажглись огни, по небоскресным крышам
идем, забыв стихи – их невозможно слышать,
и лифт меж этажей, как между пальцев четки,
туда-сюда бежит, и сверху видишь ты
красоты и мечты,

A to, co jeszcze wczoraj odświętną sztuką było,
w jednej chwili się w rzeczy najprostsze przemieniło
i nikt może obrazów tych nie namaluje,
ulica jest jak flernia, co pieśń gra bezustanną,
a nad miastem, ku gwiazdom, aeroplan szybuje.

Żegnajcie, więc, odejdźcie, wydumane piękności,
fregata w dal na morze bezbrzeżne wypływa,
na znak smurtku rozpuście, Muzy, długie swe włosy,
sztuka jest martwa, świat się bez niej obywa.

Toż znacznie jest mądrzejszy choćby ten motyl mały:
jako poczwarka gryzł książkę, teraz ku słońcu leci.
Mądrzejszy on od wierszy w tej książce zapisanych.

I to jest fakt, któremu nie zdoła nikt zaprzeczyć.

Sama miłość, 1923
Przekład: **Adam Włodek**

PIEŚŃ O DZIEWCZYNACH

Przez środek miasta długa rzeka płynie,
siedem ją mostów spina;
po nabrzeżach tysiąc pięknych dziewczyn chodzi
a każda z nich jest – inna.

Krążysz od serca do serca, by grzać ręce
u płomienia miłości ogromnej;
po nabrzeżach tysiąc pięknych dziewczyn chodzi
a wszystkie – do siebie podobne.

Sama miłość, 1923
Przekład: **Adam Włodek**

и все, что называл искусством, превратилось
 в простой реальный быт и людям покорилося,
 поверь, красоты дня никто не рисовал,
 с утра до вечера играют флейты улиц,
 аэропланы ввысь, как птицы, потянулись.

Красоты мира – ложь и для души обуза.
 Прощайте! Наш фрегат за горизонт плывет,
 в печали волосы ты распусти, о Муза,
 искусство умерло, мир без него живет.

Ведь больше истины у бабочки взлетевшей,
 твои тома еще личинкой съевшей,
 чем у твоих стихов, изысканный поэт.

И этой истины ты не отвергнешь, нет.

Только любовь, 1923
 Перевод **Юрия Кузнецова**

ПЕСНЯ О ДЕВУШКАХ

По городу река петляет светлая,
 и семь мостов сияют над водой,
 по берегу красавицы гуляют,
 их тысячи – похожей ни одной.

В лучах любви согреть ты хочешь руки,
 замкнуть сердца в заветное кольцо;
 по берегу красавицы гуляют,
 их тысячи – все на одно лицо.

Только любовь, 1923
 Перевод **Юрия Кузнецова**

СВЕ ЛЕПОТЕ СВЕТА

С вечери, када црне сводове улица светлост обасја,
како су дивне биле балерине на плакатима између црних слова,
ниско, врло ниско, сиви авиони лете попут голубова,
а песник сам усред цвећа омамљен заста.

Песнице, умри са звездама, са цветом увени,
нема тог ко за тобом данас зажалиће,
твоја уметност, твоја слава занавек су погубљени
јер на цвеће на гроб положено личе.

Летилице што нагло падом до звезда слећу
за тебе певају песму која гвоздено звучи,
а лепе су, ко што је лепше но у лејама цвеће
оно електрично, шарено, по крововима кућа.

Изнађосмо за песме лепоте сасвим нове,
нека се месец, тињаво острво пустих снова, угаси!
Нек умукну виолине, сирена аута нек се гласи,
нека на раскрсници почнемо сањати снеове;
певајте, авиони, вечерњи пој славуја,
плешите, балерине, на плакатима међу црним словима,
нек угаси се сунце – рефлектори ће с кула
обасјати улице даном, новим пламеновима.

Гвоздени скелет белведера хвата звезде падалице,
најлепше сањамо када екран нам мотри око,
инжењер мостове гради сред широке руске равнице,
а возови могу да јуре над водама, високо.
И када светлости букну ми се по крововима
облакодера шетамо, без мисли о стиховима,
и као круница што се у кошчате прсте хвата
лифт се сто пута дневно пење од спрата до спрата,
а ти одозго гледаш на све лепоте света.

То што још јуче беше уметност, она света,
претвори се у ствари просте и свакидашње,
улица је флаута што свира од зоре до зоре,
још нико сликао није најлепше слике данашње,
лете ка звездама авиони, над градом, високо горе.

Па онда, збогом; пустите нас, измишљене лепоте,
фрегата креће у даљ, у морски бескрај сиви,
расплетите, музе, тужно дуге косе своје,
уметност је мртва, свет и без ње живи.

Јер већа истина је тај мали лептир, који
из ларве што гризла је књигу ка сунцу узлети,
од стихова песника који књигу написао је.

И то је чињеница што неоспорно стоји.

Сама љубав, 1923

Превод: **Јара Рибникар и Иван В. Лалић**